

УДК 304.2

В.Н. ВАРИЧ

Беларусь, Брест, БрГТУ

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ВУЗЕ

В условиях социальных трансформаций последних двух десятилетий значимость гуманитарной составляющей в высшем образовании постоянно возрастает. В процессе перехода к постиндустриальному информационному обществу и становления новой белорусской государственности вопрос образования – это вопрос формирования у белорусской молодежи системы актуальных социально значимых ценностей, устойчивых убеждений и способностей осознанного выбора собственного места в жизни. «Именно образование в решающей мере призвано поддерживать и развивать ценностную систему общества – систему открытую, вариативную, духовно и культурно насыщенную, диалогичную и толерантную, обеспечивающую становление подлинной гражданственности и патриотизма» [5, с. 192].

Реализация ценностно-формирующей функции образования в современном белорусском вузе сталкивается с объективными и субъективными трудностями. Первые из них связаны с общекультурными тенденциями развития информационного общества, вторые – с проблемами организации гуманитарного образования, обусловленными принятием и проведением в жизнь «Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования».

Анализируя первую группу причин, следует отметить, что они не являются уникальными для Беларуси. Глубинные тенденции развития современной мировой культуры таковы, что в ней перманентно возрастает взаимодействие самых разнообразных значений, взглядов и верований. Р. Уилсон называл систему ценностей и убеждений конкретного человека «туннелем реальности» и, характеризуя культурную ситуацию конца XX в., отмечал, что эти «туннели» более не изолированы друг от друга: «Сегодня мы постоянно сталкиваемся с людьми, живущими в совершенно разных туннелях реальности. Это создает огромную враждебность в самых невежественных умах, метафизический и

этический беспорядок в умах более сложных и растущую дезориентацию у всех без исключения – мы называем эту ситуацию «кризисом ценностей» [6, с. 80].

В условиях культурного плюрализма, усилившегося в первых десятилетиях XXI в., особую значимость приобретает содержание образования. Его можно рассматривать, во-первых, как изучение педагогически адаптированных основ наук, не предполагающее особого внимания к творческим и нравственным сторонам личности обучаемого. Во-вторых, образование можно понимать как усвоение определенной совокупности знаний, умений и навыков. И, в-третьих, содержание образования можно определять как педагогически адаптированный социальный опыт, который включает в себя не только знания, но и опыт ценностных отношений. «Последнее позволяет человеку формировать в себе не только исполнительские качества, но и умение действовать самостоятельно, изменять существующее положение дел в обществе» [3, с. 390].

В ходе воспитания и образования происходит духовное становление личности. Воздействие на человека, в котором преобладают объективные практические сведения и научные знания, имеет образовательный характер, в то время как воспитание осуществляется в соответствии с определенными ценностными установками, обусловленными социальным контекстом. Вместе с тем воспитание, имеющее по преимуществу аксиологический характер, может быть весьма жестким приучением человека к социальным нормам. Образование же, со своей стороны, может быть направлено и на овладение ценностями. В этом ключе вполне справедливым представляется мнение И.И. Докучаева о том, что единый образовательно-воспитательный процесс должен базироваться на уважении к уникальности личности, а его наиболее плодотворным методом является «общение как метод коррекции ценностных моделей» [2, с. 186].

Взаимосвязь воспитательного и образовательного процессов особенно наглядно просматривается в процессе преподавания в высших учебных заведениях дисциплин гуманитарного цикла. Философия, культурология, этика, религиоведение, политология, история по самой своей сущности предполагают ознакомление с различными системами взглядов, идей и верований, которые возникали, распространялись и овладевали умами на протяжении столетий. Однако опыт работы с современным студенчеством наглядно показывает, что молодые люди в своем большинстве по окончании школы не располагают знаниями об основных религиях, идеологиях, научных направлениях и художественных традициях, несмотря на обязательное изучение всемирной истории, литературы и обществоведения.

Еще более тревожным представляется то обстоятельство, что по завершении школьного обучения будущие студенты не имеют собственной сформированной ценностной иерархии, в их сознании практически отсутствует научная картина мира как основа мировоззрения. Знания в области обществоведения, т.е. представления об основных социальных процессах и закономерностях, также имеют фрагментарный характер. Если бы эти признаки были присущи только студентам, поступившим в вузы с минимальным допустимым количеством проходных баллов, ситуация не выглядела бы столь

огорчительной. Однако слабая выраженность научного взгляда на мир, сумбурный и поверхностный характер знаний, практическое отсутствие общей гуманитарной культуры – все это свойственно нынешнему студенчеству в целом, за редкими приятными исключениями.

Очевидно, что обрисованная проблема не является плодом обычной лени или неорганизованности отдельных молодых людей, а связана с особенностями развития массового общества в условиях бурного роста информационных технологий. В последнее десятилетие массовый доступ к сокровищнице человеческих знаний, о котором мечтали практически все авторы утопий, наконец-то оказался возможным для большинства населения развитых стран. Достаточно нажать несколько кнопок на клавиатуре компьютера или на сенсорном экране телефона (планшета) для того, чтобы получить ответ на любой вопрос. Казалось бы, образованность школьников и студентов должна возрастать в такой же степени, в какой информация становится все более доступной. Однако каждый практикующий преподаватель в течение этого десятилетия обнаружил совершенно иную закономерность, которую в математике именуют обратной пропорциональностью: чем проще доступ к информации, тем меньше знаний сохраняется, закрепляется и систематизируется в сознании молодых людей.

Более того, развитие поисковых систем и социальных сетей сделало еще более явным (в сравнении с радио и телевидением) то дезинтегрирующее воздействие, которое средства массовой коммуникации оказывают на ценностные ориентации студенчества. При их участии «мозаичная культура», характерной чертой которой является фрагментарность, весьма успешно осуществляет экспансию в информационном пространстве. Ее характерной чертой является отсутствие социокультурной таблицы (матрицы), через которую социальная микросреда воспринимает все происходящие в мире события. Нынешняя постоянная меняющаяся неструктурированная «матрица», сквозь которую современный человек смотрит на мир, не вырастает из единой системы воззрений, и скорее искажает картину мира, нежели отражает его. «Мозаичная культура» (термин французского культуролога А. Моля) сходна не с продуманной композицией, имеющей определенную архитеконику, а с лоскутным одеялом. Оно может включать в себя совершенно разнородные элементы, расположенные и упорядоченные в произвольном порядке.

Доступность же информации и естественная для массовой коммуникации обращенность к «среднему» духовному уровню делает собственную систему взглядов, которая позволяла бы личности свободно ориентироваться в окружающем мире и совершать свободный выбор, еще менее востребованной. Весьма актуально в этом контексте звучат слова К. Ясперса, высказанные более восьмидесяти лет назад: «В существовании массового порядка всеобщее образование приближается к *требованиям среднего человека*. Духовность гибнет, распространяясь в массе, рационализация, доведенная до грубой моментальной доступности рассудку, привносит в каждую область знания процесс обеднения. С нивелирующим массовым порядком *исчезает тот*

образованный слой, который на основе постоянного обучения обрел дисциплину мысли и чувств и способен откликаться на духовные творения» [8, с. 359]. Для человека массы духовное сводится к сиюминутному удовольствию, образованность никогда не получает определенной формы, появляются типичные оценки и – на их основе – пресыщенность тем, что только что стало известным. Любое явление и даже отдельный человек ценятся лишь «в качестве *интересного*, не самого себя, а как раздражитель; раздражение прекращается, как только он больше не удивляет» [8, с. 359]. Если заменить слово «знания» на слово «информация», то и следующее рассуждение почти буквально характеризует нынешнюю «духовную ситуацию времени»: «Массовое распространение знания и его выражения ведет к *изнашиванию* слов и фраз. В хаосе образованности можно сказать все, но так, что, собственно говоря, ничего не имеется в виду. Неопределенность смысла слов, более того, даже отказ от отвлеченности, которая только и соединяет дух с духом, делает существенное понимание невозможным» [8, с. 359]. В скобках можно заметить, что неумение формулировать собственные мысли у современных студентов очевидным образом связано именно с этим отказом от отвлеченности, и даже слова «абстрагирование» и «абстракция» вызывают активное отторжение.

Положение усугубляется еще и распространившейся в западной культуре установкой на пресловутую «политкорректность», заключающуюся в наше время в признании истинной и морально допустимой фактически любой точки зрения и жизненной позиции. Транслируемая вольно или невольно через официальные и неофициальные СМИ и закрепляемая в общении участников социальных сетей, такая установка подтверждает, что любой культурный «горизонт» – это лишь мираж, а вовсе не твердая земля. Если подойти поближе, мираж исчезает, открывая очередную горизонт. Современная массовая культура и массовое образование стимулируют, по словам Ф. Фукуямы, тенденции к релятивизму – учению, для которого любые горизонты и системы ценностей относительно и отражают вовсе не истину, а взгляды конкретных людей. «Релятивизм в этом контексте ведет к освобождению не великих и сильных, но лишь посредственных, которым теперь сказано, что стыдиться им нечего, – отмечает Фукуяма. – Современный образованный человек вполне удовлетворен видением дома и одобрением самого себя за широкие взгляды и отсутствие фанатизма» [7, с. 356–357].

Такая «широта взглядов» или, попросту говоря, бездумное принятие любой идеи, взгляда и сообщения, которые показались любопытными, увлекательными или необычными, связаны не только с влиянием средств массовой коммуникации и «мозаичным» характером культуры. Без сомнения, социализация более успешно проходит в обществе, которое имеет общую консолидирующую идеологию (культурную парадигму, национальную концепцию, систему религиозных взглядов). Когда человек проходит этап формирования собственных ценностей, он закладывает основы своей идентификации, которые будут определять его предпочтения и оценки. В условиях же мультикультурности и мировоззренческого релятивизма «плоди не

имеют идентификационных личностных оснований и, чтобы компенсировать их отсутствие, ощущая неполноценность, заменяют суррогатом, принимают заемные, имитируют их наличие. В таком случае их суждения носят подражательный характер, формируются в процессе обучения и воспитания, информационного и коммуникативного взаимодействия, не находя отклика в личностно-необходимом отношении» [1, с. 149].

Такая неустойчивость убеждений имеет и еще одну постоянно действующую причину – ориентированность всей системы образования на приобретение знаний (теперь уже скорее информации) без их вдумчивого усвоения. Подобная ориентация школьного преподавания, в частности, приводит к тому, что студенты младших курсов не умеют самостоятельно работать с текстом и составлять конспекты. Многие из них не могут выделить главное в прочитанном разделе учебника или в услышанном на лекции и поэтому испытывают затруднения с тем, чтобы сформулировать собственную мысль и высказать ее вслух или записать. Без сомнения, в позиции пассивного воспринимающего, некоего сосуда для заполнения знаниями на непродолжительное время, которая свойственна некоторым студентам, во многом виноваты все те же средства массовой коммуникации, которые подают потребителям их продукции весьма простенькие интерпретации произведений культуры и приучают воспринимать информацию в готовом к употреблению виде, не напрягая собственный интеллект. Это вызывает своего рода умственную атрофию и апатию, а необходимость думать самостоятельно вызывает чувство, близкое к отвращению или негодованию.

Однако есть и дополнительные факторы, негативно повлиявшие на формирование у подрастающего поколения гуманитарной культуры и умения самостоятельно мыслить. Принятая в 2012 г. «Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования» по замыслу ее инициаторов, судя по ее тексту, преследовала благие цели. Предполагалось избавить социально-гуманитарный блок вузов от повторов школьного материала, от следования жестким типовым программам и от тех разделов различных дисциплин, содержание которых морально или фактически устарело. Одним из ожидаемых решений было введение наряду с обязательными для изучения дисциплинами специализированных модулей по выбору студентов. Реальная же практика применения этой концепции показала, что указанных модулей на протяжении обучения студент может выбрать не более четырех, количество аудиторных часов весьма ограничено, а управляемая самостоятельная работа и вовсе не предусматривается учебными планами факультетов. Иными словами, изучение специализированных модулей означает лишь беглое ознакомление студентов с одной из областей социально-гуманитарного знания – без их самостоятельной творческой работы, без достаточного объема живого общения на семинарских занятиях, да и без реального выбора (в силу его количественной ограниченности).

Кроме этого, в вузах остались обязательные для изучения дисциплины, названные интегрированными модулями. Два из них представляют собой

удивительные образования, соединяющие философию с общей психологией и педагогикой, а социологию – с экономической теорией. При этом философия, традиционно считающаяся ядром формирования мировоззрения, претерпела сокращение вдвое – количество часов уменьшилось с девяноста до сорока двух. В таких условиях о более-менее полноценном приобщении студентов к философии, а уж тем более о формировании у них соответствующих компетенций, не приходится и говорить. Лекции превращаются в тщетные попытки уместить всю историю философии и всю основную философскую проблематику – от проблем бытия до философии истории – в десять-одиннадцать занятий. Количество же оставшихся семинарских занятий не позволяет сколько-нибудь глубоко обсудить со студентами важнейшие вопросы, связанные с их самоопределением, пониманием событий окружающего мира и поведения других людей. Весьма пронизательным оказалось название статьи О.В. Новиковой, в которой она анализирует структуру новой программы изучения философии, – «Интегрированный модуль “Философия”: белорусский “философский пароход” XXI в.» [4, с. 43]. Поскольку возрастания индивидуального взаимодействия преподавателя и студента в результате внедрения модульной системы преподавания социально-гуманитарных дисциплин так и не произошло, можно лишь согласиться с одним из заключительных высказываний коллеги из Белорусского государственного университета: «Поверхностный обзор идей и течений не научит мыслить, лишь станет еще одним кирпичиком в формировании “клипового” сознания поколения Google» [4, с. 43].

Для практикующего преподавателя гуманитарных наук из всего сказанного следуют вполне определенные выводы. Во-первых, важнейшей задачей учебной деятельности становится стимулирование самостоятельных размышлений студентов по проблемам философской, научной, художественной и религиозной культуры – инициирование любыми доступными средствами, включая внеаудиторные занятия в рамках факультативов и дискуссионных клубов. (Весьма продуктивно при этом было бы обеспечить возможность оплаты внеаудиторной работы преподавателей.) Во-вторых, в условиях мировоззренческого и общекультурного плюрализма не менее важной задачей является трансляция общечеловеческих ценностей через приобщение студентов к наиболее авторитетным и прошедшим проверку временем философским, нравственным и религиозным системам. И, наконец, в-третьих, необходимыми условиями такой деятельности оказываются готовность преподавателя к постоянному диалогу со студентами и возможной критике с их стороны, а также владение информационными технологиями и реальные навыки работы в информационном пространстве.

1. Барышков, В. П. Аксиология личностного бытия / В. П. Барышков. – М. : Логос, 2005. – 192 с.

2. Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. – СПб. : Наука, 2009. – 595 с.

3. Микешина, Л. А. Эпистемология ценностей / Л. А. Микешина. – М. : РОССПЭН, 2007. – 439 с.
4. Новикова, О. В. Интегрированный модуль «Философия»: белорусский «философский пароход» XXI века / О. В. Новикова // Научно-методическая составляющая преподавания социально-гуманитарных дисциплин в соответствии с новым образовательным стандартом : материалы XI науч.-метод. конф. фак. философии и соц. наук БГУ, Минск, 26 марта 2014 г. – Минск : БГУ, 2014. – 62 с.
5. Слостенин, В. А. Введение в педагогическую аксиологию / В. А. Слостенин, Г. И. Чижакова. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
6. Уилсон, Р. А. Прометей восставший, или Психология эволюции / Р. А. Уилсон. – София : Янус, 1998. – 144 с.
7. Фукуяма, Ф. Конец истории и Последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 588 с.
8. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс / Смысл и назначение истории. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.